

РЕГИОНЫ РОССИИ: СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

(по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС)¹

Наталья ЗУБАРЕВИЧ

Главный научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р геогр. наук, профессор. E-mail: zubarevich-nv@ranepa.ru

Рамиля ХАСАНОВА

Научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук. E-mail: khasanovarr@gmail.com

По итогам первого квартала 2017 г. доходы населения выросли по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года в 34 российских регионах, однако в большинстве субъектов Федерации (62 региона) продолжился спад потребления. Кризис на региональных рынках труда не завершен, несмотря на стабильно низкий уровень безработицы. В 15–20 наиболее проблемных регионах неполная занятость сокращается медленно, вновь растет просроченная задолженность по заработной плате. Социальные расходы бюджетов регионов повышались в рассматриваемый период быстрее темпов инфляции благодаря значительному росту доходов.

В связи с малочисленностью поколений, которые находятся сейчас на пике репродуктивных возрастов, Россия вошла в длительный, по крайней мере десятилетний, период снижения числа рождений. В отличие от 2016 г. эта тенденция затронула уже все регионы Российской Федерации. Смертность населения продолжает снижаться, однако этих темпов уже недостаточно, чтобы компенсировать сокращение числа рождений: за январь-апрель текущего года естественная убыль населения составила 93 тыс. человек.

Ключевые слова: российские регионы, социальные показатели, рынок труда, региональный анализ, рождаемость, смертность, возрастные коэффициенты смертности.

Социальное развитие регионов

В начале 2017 г. экономическое положение российских регионов несколько улучшилось. Промышленное производство в январе-апреле выросло по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. на 0,7% — положительную динамику продемонстрировали здесь 66 регионов. Количество регионов со спадом производства сократилось до 18, среди которых есть крупные индустриальные (Москва, Ханты-Мансийский автономный округ, Волгоградская, Ленинградская, Вологодская области, Республика Коми и др.). Спад в обрабатывающей промышленности завершается (-0,4% в январе-апреле текущего года к аналогичному периоду предыдущего); в более

чем 60 регионах динамика данного показателя была положительной. В первом квартале 2017 г. начался рост инвестиций (на 2,3%), но в основном за счет Москвы (+28%) и Ханты-Мансийского автономного округа (+8%); суммарно столица и два крупнейших нефтегазодобывающих региона (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) получили почти 30% всех инвестиций в стране благодаря своим конкурентным преимуществам, которые сохраняются и в кризисных условиях. В географическом измерении спад инвестиций не преодолен — в первом квартале 2017 г. они выросли только в 39 регионах. Самые высокие темпы роста были зафиксированы в Республике Крым (в 5 раз к

¹Расширенная версия опубликована онлайн на сайте ИНСАП РАНХиГС [<http://www.ranepa.ru/social/informatiionnoanaliticheskij-byulleten/>]; Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — май 2017 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой. 2017.

первому кварталу 2016 г.) и в г. Севастополе (в 3 раза).

Уровень безработицы, измеряемой по методологии МОТ, остается в субъектах РФ стабильно низким, и в феврале-апреле 2017 г. он составил 5,5%. Региональные различия в безработице также стабильны в течение многих лет, и ситуация весны 2017 г. во многом повторяет закономерности, описанные нами в предыдущих мониторингах².

Максимальный уровень безработицы в рассматриваемый период был зафиксирован в слаборазвитых республиках: в Ингушетии (28%), Тыве (18%), Чечне, Карачаево-Черкесии и в Республике Алтай (14–15%), но это стало результатом не кризиса, а долгосрочного дисбаланса спроса и предложения на их рынках труда. Стабильно повышен уровень безработицы (9–11%) в некоторых индустриальных регионах Востока страны вследствие их депрессивности: в Забайкальском крае, Республике Бурятия, Еврейской автономной области, Курганской области, а также в более развитой Иркутской. Он также устойчиво повышен в республиках Европейского Севера — Коми и Карелии (8–9%). Самый низкий уровень безработицы по-прежнему был отмечен в крупнейших федеральных городах (1,6%), Московской, Белгородской областях, Республике Татарстан и в Тюменской области с автономными округами (3–4%). Это наиболее развитые регионы с теми или иными дополнительными преимуществами: огромным рынком труда крупнейших агломераций, повышенной территориальной мобильностью жителей нефтегазодобывающих регионов. Для областей Центра и Северо-Запада страны смягчающую роль играет в этом отношении более постаревшая возрастная структура населения, что снижает предложение в них рабочей силы.

Уровень зарегистрированной безработицы в апреле 2017 г. сократился относительно того

же периода предыдущего года до 1,2% (в апреле 2016 г. — 1,4%). Максимальные показатели сохраняются здесь в республиках Ингушетия и Чечня, хотя за год они снизились (с 12–13 до 9–11%). В Ингушетии это может быть отчасти связано с созданием новых рабочих мест в бюджетном секторе благодаря росту трансфертов в 2016 г. на 18%. Но есть и иное объяснение — в 2016 г. Ингушетия получила на 15% меньше субвенций из федерального бюджета на выплату пособий по безработице, в связи с чем пришлось оптимизировать численность их получателей. В Чечне при снижении уровня зарегистрированной безработицы почти на четверть (с 12 до 9%) объем субвенций на выплату пособий по безработице вырос в 2016 г. на 4% — почти как в среднем по регионам РФ (на 5%): или чеченским безработным существенно подняли размер пособий, или субсидии расходовались в регионе как-то иначе. За исключением республик Тыва и Алтай (3–5%), во всех остальных регионах РФ уровень зарегистрированной безработицы был ниже 3%, при этом в половине регионов он оказался ниже среднего по стране, а в федеральных городах зарегистрированной безработицы почти не было (0,2–0,4%).

Состояние региональных рынков труда оценивается не только по уровню безработицы. Весной Росстат опубликовал итоговые данные за 2016 г. о численности занятых в малом и среднем предпринимательстве (МСП) по регионам. Динамика занятости в этом секторе региональных рынков труда оказалась такова: по сравнению с 2015 г. в целом по России численность занятых в МСП сократилась на 3,7%, снижение произошло в 53 регионах. Поскольку одновременно сокращалась численность занятых на крупных и средних предприятиях, а экономическая активность и уровень безработицы оставались стабильными, это означает, что занятые перемещались из «белого» МСП

² Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — ноябрь 2016 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; под ред. Т.М. Малевой. 2016.

в теневом секторе. И этот процесс идет уже давно, торможения здесь не происходит.

Важнее всего представляется занятость в МСП для рынков труда Калининградской, а также Ивановской области. Для последней это скорее способ налоговой оптимизации, широко используемый предприятиями полупредпринимательской текстильной промышленности. Возможно, по той же причине соотношение между занятыми в МСП и на крупных и средних предприятиях повышено и в не очень благополучной Кировской области. Реально большую роль играет занятость в МСП на рынках труда крупнейших федеральных городов, лидерство которых в данном ракурсе обусловлено концентрацией в них платежеспособного спроса. Однако в 2016 г. более чем в половине регионов-лидеров численность занятых в МСП сократилась, в том числе и в Москве.

Минимальную роль играет занятость в МСП в двух группах регионов. Во-первых, в северных территориях со специализацией на добывающих отраслях промышленности и с редким расселением, что объективно ухудшает условия для развития МСП. Во-вторых, в слабо развитых республиках с худшим предпринимательским климатом (в 2016 г. самым низким соотношением занятых в МСП и в крупных организациях характеризовались республики Ингушетия и Тыва). В слабо развитых республиках малое предпринимательство в основном сосредоточено в «тени», а доля легального МСП в 2016 г. продолжала в них сокращаться, за исключением Чечни с ее непонятной в этом отношении динамикой, а также Карачаево-Черкесии.

Важный индикатор состояния рынков труда регионов — уровень неполной занятости — в 2015 г. вырос и на пике кризиса достигал 3,4% работавших неполное время (по инициативе работодателя, по соглашению сторон, находившихся в простое) от среднесписочной численности занятых, а также почти 8% находившихся в отпусках без сохранения заработной

платы. В первом квартале 2017 г. среднероссийские показатели неполной занятости снизились, но не существенно — до 3,1% всех работников (в первом квартале 2016 г. было 3,4%), прежде всего за счет нисходящей динамики доли работавших неполное рабочее время по соглашению между работником и работодателем.

Перечень регионов с самым высоким уровнем неполной занятости в период кризиса менялся, но не радикально. Максимальная доля работающих неполное время третий год подряд была зафиксирована в республиках Крым и Чувашия, в Самарской и Тверской областях, Пермском крае³. Заметно улучшилась ситуация в этом отношении в Калужской области, где в 2017 г. ускорился промышленный рост, в том числе в автопроме, а также в Нижегородской и Ивановской областях, в г. Севастополе. В список более «проблемных» регионов добавились Еврейская автономная область и Республика Алтай. За последние два года почти не менялся и список регионов с максимальной долей работников, находящихся в отпусках без сохранения заработной платы. Его возглавляют крупнейшие области Урала, республики Крым и Марий Эл. При этом почти во всех регионах с повышенной долей находящихся в неоплачиваемых отпусках значения показателя почти не менялись. Таким образом, по индикаторам неполной занятости кризис на рынках труда большинства проблемных регионов не завершился, но перешел в вялотекущую фазу без заметных улучшений.

Проблема просроченной задолженности по зарплате на начало мая 2017 г. затрагивала только 0,2% от среднесписочной численности работников. В 8 регионах задолженности не было. В отличие от неполной занятости как легального способа сокращения издержек бизнеса, просроченная задолженность по заработной плате наказывается по закону — власти стараются за этим следить, чтобы избежать протестов работников. Но не всегда получает-

³ Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / Росстат.

ся: в 5 регионах в мае оказались просрочены выплаты более чем 1% от списочной численности занятых, в том числе в Мурманской и Амурской областях — 1,5–1,8%⁴.

Данная проблема становится острее, если в регионе оказывается повышенной не только доля работников, перед которыми есть просроченная задолженность по зарплате, но и объем задолженности в душевом выражении. По этим двум негативным индикаторам, помимо Мурманской и Амурской областей, выделяются также Хабаровский край, г. Севастополь и, в меньшей степени, Приморский край и Республика Карелия. В целом проблема просроченной задолженности по зарплате острее стоит для регионов Дальнего Востока и некоторых регионов Севера: с одной стороны, в них выше средняя заработная плата, что влияет на объем задолженности, с другой стороны, предприниматели обращают здесь меньше внимания на законы и контроль со стороны властей слабее.

Динамика объема просроченной задолженности по заработной плате также показывает, что кризис не завершился: объем этого показателя в апреле 2016 г. был максимальным (4,47 млрд. руб.), к началу 2017 г. он снизился до 2,73 млрд. руб., а к маю вновь быстро вырос до 3,85 млрд. руб. Если сравнивать май 2017 г. с маем 2016 г., то оказывается, что объем задолженности сократился только на 5%. Динамика же показателя по регионам была разнонаправленной — общего тренда здесь не наблюдалось.

Падение доходов населения в первом квартале 2017 г. прекратилось — положительная динамика к аналогичному периоду предыдущего года наблюдалась в этот период в 34 регионах. Однако, по предварительной оценке Росстата, в апреле текущего года падение доходов возобновилось⁵ (-7,6%).

Сравнивать регионы по данным за квартал рискованно, поскольку квартальная динамика

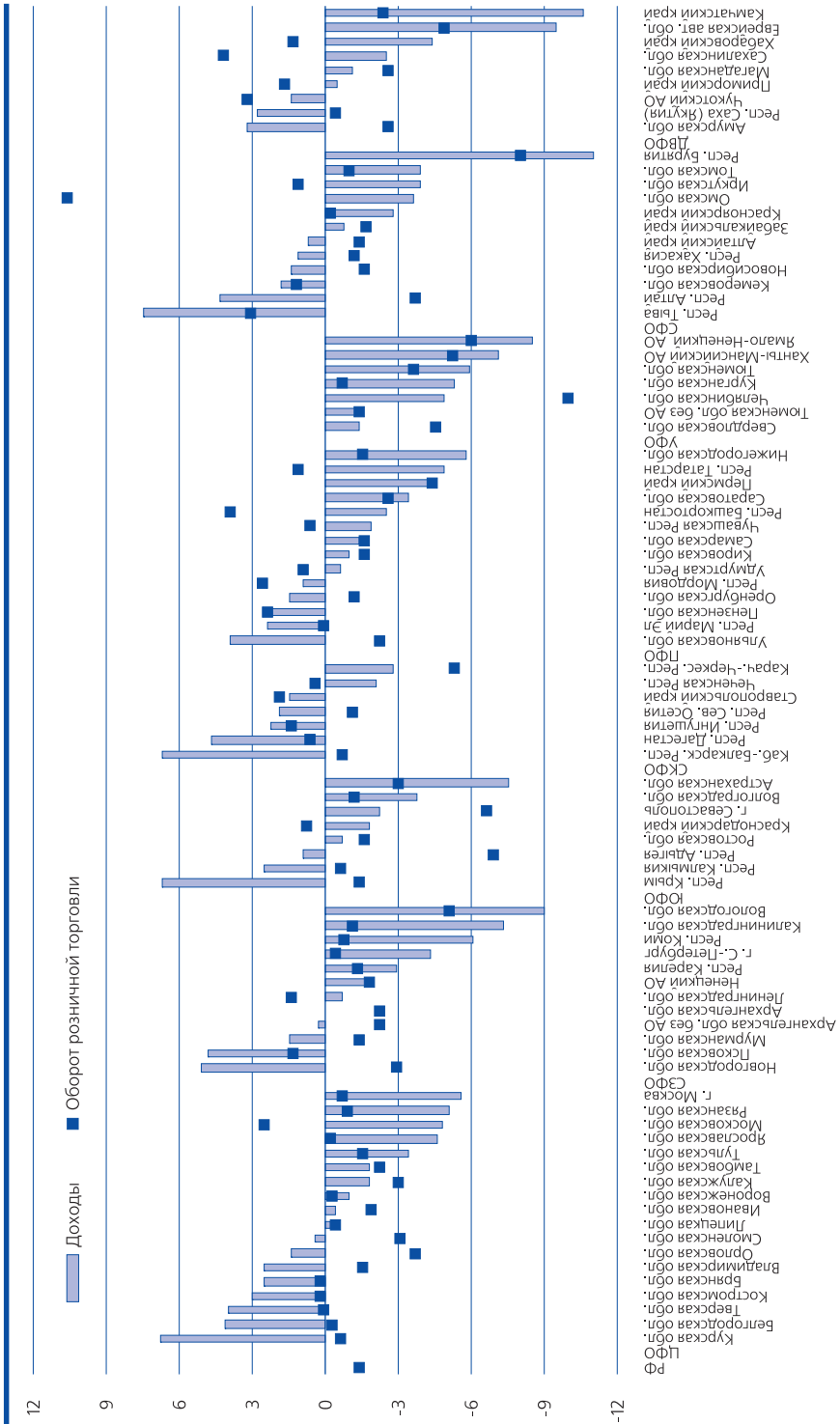
ка доходов еще менее достоверна, чем годовая. По данным Росстата, в первом квартале 2017 г. лидерами по росту доходов населения оказались высокодотационные республики Тыва, Крым, Кабардино-Балкария, Дагестан и Алтай (+4–7%), а также несколько областей с высокой долей пожилого населения — Псковская, Новгородская, Курская, Белгородская и др. (См. рис. 1.) Помимо роста реальной заработной платы с конца 2016 г. значительный вклад в стабилизацию доходов населения внесла разовая дополнительная выплата пенсионерам в январе 2017 г. Самое сильное падение доходов в первом квартале 2017 г. отмечалось в Республике Бурятия и в Камчатском крае (-11%), а также в Еврейской автономной области, Вологодской области и в Ямало-Ненецком автономном округе (-9%). Причины этого трудно объяснить — названные регионы имеют разные уровни и динамику экономического развития, различаются по бюджетным индикаторам.

Несмотря на стабилизацию доходов населения в первом квартале текущего года, падение потребления еще не завершилось, а только замедлилось: оборот розничной торговли в январе-апреле 2017 г. сократился относительно аналогичного периода предыдущего года на 1,4% в целом по России, и его снижение было зафиксировано в 62 регионах. Статистика показывает, что наиболее сильно объем розничной торговли сократился в Челябинской области (-10%), Республике Бурятия (-8%), а также в республиках Адыгея и Карачаево-Черкесия, г. Севастополе, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах, Вологодской области (-5–7%). Наиболее значительно вырос данный показатель в Омской области (+10%) и на Сахалине (+4%). Корреляции динамики розничной торговли с динамикой доходов населения не прослеживается. (См. рис. 1.)

⁴ Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации / Росстат.

⁵ Аврамова Е., Гришина Е., Елисеева М., Ляшок В. Социальные траектории на текущем этапе экономического развития (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России, 2017, № 7. С. 55–63.

Рис 1. Приrost реальных денежных доходов населения (первый квартал 2017 г. в % к первому кварталу 2016 г.) и оборота розничной торговли (январь-апрель 2017 г. в % к январю-апрелю 2016 г.)

Динамика социальных расходов консолидированных бюджетов регионов в первом квартале любого года не очень показательна – тенденции видны только по итогам первого полугодия. Кроме того, в 2017 г. анализ динамики социальных расходов затруднен изменением в распределении расходов по статьям: страховые взносы на неработающее население, которые перечисляются из бюджетов регионов территориальным фондам обязательного медицинского страхования (ТФОМС), перенесены из статьи «Здравоохранение» в статью «Социальная политика» и выделены в ней как отдельный вид расходов. В 2016 г. такой перенос был сделан в 13 регионах (без выделения), но все они были не крупные, поэтому перемещение страховых взносов в другую статью несущественно повлияло на итоговую динамику расходов всех регионов. В 2017 г. перенос осуществили подавляющее большинство регионов, за исключением Санкт-Петербурга, Новгородской, Псковской, Оренбургской, Магаданской областей, Республики Чечня и Чукотского автономного округа – в них страховые взносы, скорее всего, остались в статье «Здравоохранение».

Перенос страховых взносов не влияет на динамику расходов на здравоохранение, поскольку в расчетах используются данные о расходах консолидированных бюджетов регионов и ТФОМС, очищенные от двойного счета. Однако перенос сильно влияет на динамику расходов на социальную политику: в первом квартале 2017 г. объем страховых взносов, перенесенных в статью «Социальная политика», составил почти 147 млрд. руб., а все расходы бюджетов регионов по этой статье – 514 млрд. руб. Чтобы найти решение в создавшейся коллизии, динамика расходов на социальную политику была рассчитана без учета страховых взносов, однако корректные сопоставления все равно делать сложно.

Сравнение доходов бюджетов регионов за первые три месяца текущего и предыдущего годов показывает, что первый квартал 2017 г. был для них более благоприятным, чем анало-

Динамика доходов и расходов консолидированных бюджетов регионов в первом квартале 2016 и 2017 гг., в % к аналогичному периоду предыдущего года

	I квартал 2016 г.	I квартал 2017 г.
Доходы – всего	99	112
в том числе:		
НДФЛ	108	107
Налог на прибыль	100	131
Трансферты	76	126
Расходы – всего	105	107
в том числе:		
Национальная экономика	99	113
ЖКХ	106	119
Образование	105	104
Здравоохранение с ТФОМС	105	107
Социальная политика	108	105*

* – Без учета страховых взносов в ТФОМС.

гичный период 2016 г.: резко выросли поступления налога на прибыль, раньше были получены трансферты, устойчиво росли поступления НДФЛ. Расходы бюджетов регионов увеличились по всем основным статьям, превысив темпы инфляции. Быстрее всего повышались несоциальные расходы, а динамика социальных несущественно отличалась от наблюдавшейся в первом квартале 2016 г., за исключением более значительного роста расходов на здравоохранение (вместе с ТФОМС). (См. таблицу.)

Таким образом, начало года было относительно благополучным по динамике социальных расходов для бюджетов регионов. В свете приближения федеральных выборов это дает основание надеяться, что «оптимизация» расходов на человеческий капитал, происходившая в 2015 и 2016 гг., сменится более дальновидной бюджетной политикой.

Демография

В 2017 г. в России ускорилось снижение ежемесячного числа родившихся: если в 2016 г. родилось на 50 тыс. детей меньше, чем в 2015 г. (1,893 и 1,944 млн. соответственно), то за

первые четыре месяца текущего года родилось на 68 тыс. детей меньше, чем за аналогичный период предыдущего (537 и 606 тыс. соответственно). (См. рис. 2.) В апреле 2017 г. число рождений составило всего 85% от уровня апреля 2016 г. Общий коэффициент рождаемости в январе-апреле 2017 г. составил 11,1‰.

В отличие от 2016 г. снижение числа родившихся затронуло уже все регионы Российской Федерации, причем только в 20 субъектах РФ его масштабы составили менее 10 п.п. Еще в 24 регионах за январь-апрель 2017 г. число родившихся составило 88–89% от аналогичного периода прошлого года, в 31 регионе – 85–87% и в 10 регионах – менее 85%. Оперативная ежемесячная статистика весьма волатильна, поэтому какой-либо явной социально-географической компоненты в данной тенденции не прослеживается.

Наблюдаемое снижение связано с особенностями половозрастной структуры населения, а именно с малочисленностью поколений, которые сейчас находятся на пике репродуктивных возрастов. В соответствии со средним вариантом прогноза Росстата ожидается, что в ближайшее десятилетие будет происходить почти непрерывное снижение числа родившихся. Примерно к 2030 г. ежегодное число

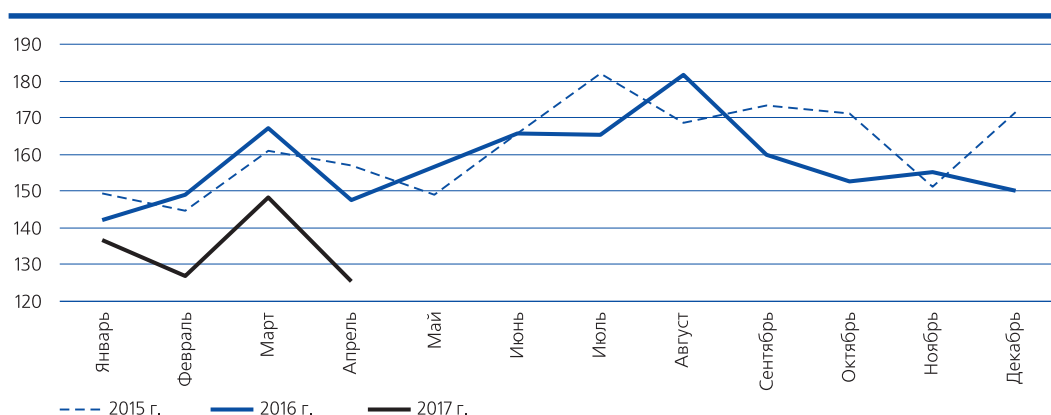
родившихся стабилизируется на уровне 1,5 млн. человек, после чего начнется его рост.

По результатам первых четырех месяцев 2017 г. естественная убыль населения составила 93 тыс. человек, или 2‰. Несмотря на положительную динамику смертности населения, число умерших в ближайшее время вряд ли будет опускаться ниже числа родившихся: за январь-апрель 2017 г. число умерших в России составило 630 тыс. человек, что на 13,5 тыс., или на 2,1%, меньше, чем в январе-апреле 2016 г. Общий коэффициент смертности населения составил 13,1‰.

Число умерших в апреле 2017 г. составило 142 тыс. человек – это на 6% (8535 человек) ниже соответствующего показателя за предыдущий год. Как известно, в зимние и весенние месяцы наблюдается сезонное повышение смертности – аналогично, и в январе 2017 г. отмечалась высокая смертность населения: число умерших в этом месяце превысило самый высокий показатель 2015 г. В феврале и апреле 2017 г., наоборот, отмечались наименьшие абсолютные показатели смертности за последние четыре года. (Отметим, что данные ежемесячной статистики смертности характеризуются значительными колебаниями.)

Разрыв между минимальным и максималь-

Рис. 2. Ежемесячное число родившихся в 2015–2017 гг., тыс. человек

Источник: ЕМИСС, оперативная информация Росстата.

ным значениями общего коэффициента смертности населения в регионах России за январь-апрель 2017 г. составил 15,5‰. И если Республика Ингушетия по-прежнему продемонстрировала здесь наименьший показатель (3,3‰), то Псковская область — вновь наивысший: 18,8 человек на 1000 населения.

Дифференциация общего коэффициента смертности по регионам объясняется как различиями в интенсивности смертности населения, так и особенностями половозрастного состава населения. Так, в январе-апреле 2017 г. в субъектах РФ с высокой долей населения старших возрастов (Псковская, Новгородская, Тверская, Тульская, Курская области) наблюдался высокий общий коэффициент смертности (от 16,8 до 18,8‰), а наименьшие коэффициенты были зафиксированы в регионах с более «молодой» структурой населения: в Республике Ингушетия (3,2‰), Чеченской Республике (4,9‰), Ямало-Ненецком автономном округе (5,2‰), Республике Дагестан (5,4‰), Ханты-Мансийском автономном округе (6,3‰). В то же время по сравнению с январем-апрелем 2016 г. за тот же период 2017 г. в 21 регионе России общий коэффициент смертности населения повысился (в Архангельской, Кировской, Орловской, Оренбургской, Саратовской, Курской, Псковской областях, в Республике Карелия — на 1%, в Республике Калмыкия — на 12%); в 9 регионах он остался на том же уровне. Наиболее значительное снижение показателя за рассматриваемый период было отмечено в Республике Тыва (на 10%).

Младенческая смертность в России за первые четыре месяца 2017 г. составила 5,2 случая на 1000 живорожденных — на 15% ниже аналогичного показателя за тот же период 2016 г. Наибольшее его значение было зафиксировано в Еврейской автономной области (14‰), Чукотском автономном округе (13,3‰), Республике Дагестан (9‰). Наименьший коэффициент смертности детей до 1 года был зарегистрирован в Тамбовской (1,5‰), Липецкой (2,6‰), Томской (2,8‰) областях. Наблюдается сокращение разрыва в значениях показателя между

регионами: за январь-апрель 2017 г. он составил 12,5 пункта, тогда как за соответствующий период 2016 г. — 23,7 пункта, причем снижается максимальное его значение.

Повышение младенческой смертности за исследуемый период коснулось 20 регионов России; наибольшее из них наблюдалось в Архангельской области — на 80% (3,9‰ в январе-апреле 2016 г. и 7‰ в январе-апреле 2017 г.), Сахалинской области, Республике Адыгея, Хабаровском крае, Чувашской Республике, Астраханской области и в Республике Башкортостан. Но если в Сахалинской области и Чувашской Республике показатель был ниже общероссийского уровня, то в Архангельской, Астраханской областях, Хабаровском крае, республиках Башкортостан и Адыгея коэффициент младенческой смертности намного превысил средний уровень по России.

Снижение смертности населения в январе-апреле 2017 г. произошло практически по всем фиксируемым статистикой причинам смерти: коэффициент смертности от новообразований снизился на 4%, от болезней системы кровообращения — на 3%, от болезней органов дыхания — на 10%, от болезней органов пищеварения — на 5%, от внешних причин — на 10%. Исключение составили показатели смертности от других болезней органов дыхания (коэффициент на 6% выше аналогичного показателя января-апреля 2016 г.), от прочих болезней (+7%), от некоторых инфекционных и паразитарных болезней (+0,4%), в том числе от других инфекционных и паразитарных болезней (+10%).

Незначительное увеличение смертности населения от инфекционных и паразитарных болезней продолжается и вызывает вопросы. По данным оперативной статистики Росстата, в структуре этого класса причин отдельно обозначены кишечные инфекции (0,9% от всех умерших от инфекционных и паразитарных болезней за январь-апрель 2017 г. — так же, как и в январе-апреле 2016 г.), туберкулез (31 и 37% соответственно) и другие инфекционные и паразитарные болезни (68 и 62%).

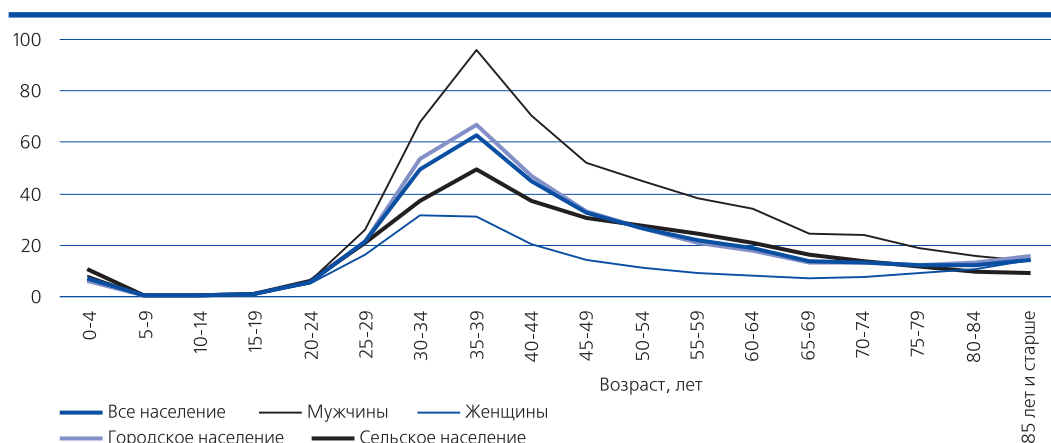
В начале XXI в. доля умерших от туберкулеза составляла в России значительную часть класса инфекционных и паразитарных болезней и превышала 80%, затем данный показатель начал снижаться и к 2015 г. составил 39% от класса инфекционных и паразитарных болезней. Одновременно с этим процессом увеличивалась доля смертей от болезни, вызванной вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ): если в 2000 г. доля умерших от ВИЧ составляла 0,6%, то в 2015 г. — 45%. Кроме того, в 2015 г. 1807 человек умерли от сепсиса (5% от данного класса причин смерти), 1766 — от вирусных гепатитов. В структуре смертности сельского населения в классе инфекционных и паразитарных болезней туберкулез занимает 55%, ВИЧ — 30%. В городской местности, наоборот, 50% умерших от инфекционных и паразитарных болезней приходится на болезни, вызванные вирусом иммунодефицита человека.

Значительная доля умерших от инфекционных и паразитарных болезней приходится на трудоспособный возраст (83% в 2015 г.). Анализ возрастных коэффициентов смертности (самые свежие на сегодня статистические

данные о смертности от различных причин в разбивке пола и возраста — за 2015 г.) от этого класса болезней демонстрирует ощутимую гендерную дифференциацию: смертность мужчин преобладает во всех возрастах, а начиная с 30 лет их коэффициент становится выше на 100–300%, чем у женщин. Возрастные коэффициенты смертности населения от инфекционных и паразитарных болезней в сельской местности выше среднего уровня в младших детских возрастах (0–4 года), в возрастах 15–24 и 50–74 года; в городской местности — в возрасте 5–14, 25–49, 75 лет и старше. В целом в 2015 г. от инфекционных и паразитарных болезней умерло 34 тыс. человек, что составляет 1,8% от всех умерших (2,5% среди мужчин и 1% среди женщин). В городской местности доля умерших от инфекционных и паразитарных болезней в общем числе всех умерших выше, чем в сельской (2 и 1,4% соответственно). (См. рис. 3.)

По результатам первых четырех месяцев 2017 г. смертность от некоторых инфекционных и паразитарных заболеваний была выше среднего по РФ уровня в Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округе

Рис. 3. Возрастные коэффициенты смертности населения от инфекционных и паразитарных болезней (2015 г.), на 100 тыс. человек

Источник: рассчитано автором по данным ЕДН 2015.

гах, а наименьший коэффициент был зафиксирован в Северо-Кавказском федеральном округе.

Смертность от инфекционных и паразитарных болезней относится к предотвратимым причинам III группы⁶, выделяемым в европейском подходе оценки предотвратимой смертности, согласно которому предотвратимой считается смертность населения в возрасте 5–64 года. Причины смерти здесь разделены на три группы в зависимости от уровня профилактики. По мнению ученых, изменения смертности от причин III группы связаны с полнотой и адекватностью комплекса мер по оказанию медицинской помощи и слаженностью работы разных служб системы здравоохранения⁷. Роль инфекционных и паразитарных болезней в общей смертности населения с начала XX в. существенно упала благодаря улучшению условий жизни, медицинской помощи матерям и детям и, особенно, благодаря улучшению водоснабжения и санитарии, проведению массовой иммунизации, применению антибиотиков и улучшению питания. Однако смертность населения от этого класса болезней в последние годы в России не снижается. Основные причины роста данного показателя – ВИЧ-инфекция, туберкулез, гепатит, при этом основная доля умерших приходится на трудоспособное население.

На сегодняшний день в оперативной статистике Росстата данные по прочим причинам смерти («Другие классы болезней») за 2016 и 2017 гг. несопоставимы, так как начиная с января 2017 г. из этой статьи болезней выделены классы: «Болезни нервной системы» и «Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ». Число умерших от болезней перечисленных классов

и «других классов болезней» в сумме за январь-апрель 2017 г. составило 123 тыс. человек, что выше соответствующего показателя за 2016 г. на 9%, – следовательно, смертность от «прочих причин смерти» продолжает расти.

В марте 2017 г. Росстат опубликовал официальную статистическую информацию по показателям оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ, относящимся к его компетенции⁸. В данной статистике, наряду с ожидаемой продолжительностью жизни населения и смертностью в трудоспособном возрасте (предварительные данные за 2016 г.), была представлена новая информация о смертности населения без учета внешних причин смерти. Эти причины были исключены из общей статистики, так как целью оценки было определение естественной смертности населения, которая зависит от его старения, уровня здравоохранения, доступности медицинской помощи, экологии, социального самочувствия населения и т.д. По данным Росстата, общий коэффициент смертности от естественных причин смерти вырос в стране с 1175 человек на 100 тыс. населения в 2013 г. до 1184,6 человек в 2016 г.

Смертность населения от внешних причин в России за январь-апрель 2017 г. снизилась в годовом выражении на 10%. Данная тенденция затронула почти все субъекты РФ, за исключением Воронежской области (рост на 69%), Ненецкого автономного округа (+26%), Омской области (+16%), Мурманской области (+10%) и некоторых других регионов. К субъектам РФ с низким общим коэффициентом смертности от внешних причин относятся г. Москва (45 случаев на 100 тыс. населения) и регионы Северного Кавказа. К регионам с высоким показателем смертности

⁶ Simonato L., Ballard T., Bellini P., Winkelmann R. Avoidable mortality in Europe 1955–1994: a plea for prevention // J Epidemiol Community Health. 1998. No. 52 (10). Pp. 624–630.

⁷ Сабгайда Т.П. Возрастные особенности предотвратимой смертности населения России // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 5.

⁸ Показатели для мониторинга оценки эффективности деятельности субъектов Российской Федерации: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html

от данной причины относятся Амурская область (223,5 случая на 100 тыс. населения), Ненецкий автономный округ (207), Республика Тыва (204), Воронежская область (189), Чукотский автономный округ (177).

Таким образом, в 2017 г. смертность населения России продолжает сокращаться, однако темпов ее снижения уже недостаточно для того, чтобы компенсировать падение числа рождений. ■